

ЧЕЛОВЕК ОСТАЕТСЯ УЗНИКОМ НА СВОБОДЕ...

Суад Дервиш. Анкарский узник. Перевод с турецкого и послесловие Р. Фиша. Москва, Издательство иностранной литературы, 1960. 131 стр.

Небольшая газетная заметка из раздела полицейской хроники дала прогрессивной турецкой писательнице Суад Дервиш материал для книги, в которой показаны многие стороны сегодняшней жизни ее страны. С глубоким волнением следит читатель за трагической историей интеллигента, столкнувшегося с суровой действительностью.

Студент медицинского факультета Васфи, единственный сын и единственная надежда матери, влюблен в молодую девушку Зейнеб. Но она отвергает любовь бедного студента и выходит замуж за старого богатого торговца. Васфи «убедил себя, что Зейнеб согласилась на этот брак по настоянию родителей, ради благополучной и обеспеченной жизни... Он знал, что она никогда не полюбит своего мужа, но почему-то был уверен, что она будет ему верна». И, услышав брошенные вскользь слова двоюродного брата о любовнице Зейнеб, Васфи в гневе, считая его клеветником, наносит смертельный удар.

...Двери тюрьмы закрылись за братоубийцей, чтобы вновь открыться только через двенадцать лет. Заключение вышел из анкарской тюрьмы, но и на свободе он остается узником — узником волчьих законов буржуазного общества.

Васфи не может вернуться к прежней жизни. Теперь в глазах «почтенных» буржуа он — бывший преступник, ему опасно дать даже работу дворника или уборщика мусора. «Он больше не был арестантом. Но жизнь воздвигла перед ним каменные стены, через которые он не мог перелезть, и снова заключила его в тюрьму. Этот голодный человек умирал от голода и усталости не по своей воле». Потеряв мать, которую сломи-

ло горе, не имея родственников, без копейки денег бывший интеллигент опускается до положения бездомного бродяги, попадает на самое дно.

Волчьи законы буржуазного общества, где основным мерилом человека являются деньги, уродуют и жизнь Зейнеб. Жажда наживы превращает ее в алчную торговку, готовую ругаться из-за мелкой монеты. Она предстала перед Васфи «уродливой, страшной бабой, нацепившей золотые коронки на здоровые прекрасные зубы, чтобы выставить напоказ свое богатство».

Постепенно в Васфи возникает и начинает жить протест против социальной несправедливости. Он понимает, что его судьба — не исключение в сегодняшней Турции.

Случай помогает Васфи найти работу и вырваться из стамбульских трущоб.

В романе Суад Дервиш нет положительного героя. Тема протеста, раскрытая писательницей в думах Васфи, не вырастает в тему

борьбы с существующим строем. Возможно, эту задачу она и не ставила перед собой или не могла поставить по цензурным соображениям — ведь правящие круги Турции понимают свободу печати в стране как свободу восхваления существующих порядков, а тех, кто разрешает себе критику в их адрес, как и прежде, бросают в тюрьмы.

Но, рассказав о тяжелой жизни многих своих соотечественников, талантливая писательница заставляет задуматься о необходимости изменения порядков на ее родине.

Г. САВИН

АРТЮР РЕМБО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Артюр Рембо. Стихотворения. Перевод с французского. Вступительная статья Павла Антокольского. Составитель В. Тыщенко. Москва, Гослитиздат, 1960. 93 стр.

Прошлой весной от- мечалась девяностая годовщина Коммуны 1871 года. Эта годовщина приобрела особый смысл, так как совпала с особенным годом, со всенародным обсуждением новой Программы нашей партии: дума о будущем коммунистическом обществе ярко осветила и славную страницу, вписан-

ную героями 1871 года в историю борьбы за коммунизм.

У советских людей, которым случается посетить Париж, само собою вошло в обычай среди бега парижских часов найти время постоять у стены кладбища Пер-Лашез — Стены коммунаров. И тогда многим

СРЕДИ КНИГ

из нас приходят на память стихи. Но это не унылые строки кладбищенских элегий, а слова, где звучит и революционный гнев, и любовь к народу, и вера в будущее,— стихи поэтов Коммуны 1871 года. «Знаменательно,— пишет составитель французского сборника «Поэты Коммуны»,— что именно советский ученый, профессор Данилин посвятил себя тщательному исследованию поэзии Коммуны. Мы должны выразить ему особую признательность за его труды — мы обязаны им почти всем, что знаем, и широко ими пользовались».

Однако, если творчество Эжена Потье, Ж.-Б. Клемана, Луизы Мишель и многих других поэтов-коммунаров нашло у нас и исследователей, и переводчиков, то их современник, великолепный поэт Артюр Рембо, лучшие стихи которого насыщены дыханием 1871 года, до последнего времени не находил себе настоящего места в советской культуре. Даже в книге Ю. И. Данилина «Антология поэзии Парижской коммуны 1871 года», где восстановлены давно забытые имена многих и многих певцов Коммуны, об А. Рембо сказано так: «Артюр Рембо (1854—1891) — поэт, известный декадент, по-видимому, принял участие в Коммуне, но в Париж попал уже накануне ее падения». Эта характеристика отражает отношение к А. Рембо, господствовавшее до последнего времени в нашем литературоведении.

Маленькая книжечка «Артюр Рембо», выпущенная Гослитиздатом, всем своим содержанием полемизирует с подобной оценкой одного из замечательных французских поэтов.

Вводная статья П. Антокольского сливается в одно целое с его переводами из А. Рембо, образующими основной состав книги. Остальные переводы, несмотря на многочисленность переводчиков (В. Брюсов, А. Арго, Н. Банников, А. Кублицкая-Пиотух, Б. Лифшиц, Г. Петников, В. Парнах, И. Эренбург), почти нигде не нару-

шают художественного единства сборника.

Замысел книги определяется стремлением освободить поэтическое наследие Артюра Рембо от одно-сторонних толкований. В своей статье П. Антокольский возражает против настойчивых попыток превратить А. Рембо то в поэта-эклектика, то в кающегося богохулителя, то в анархиста и социального отщепенца, то просто в чудакватого неудачника.

Нельзя без горечи вспомнить о том, как, появившись в 1871 году, семнадцатилетним юношей, в Париже с вихрем рукописных стихов и сразу получив признание у самых различных мастеров поэзии — среди них у В. Гюго и П. Верлена,— молодой А. Рембо уже через несколько лет навсегда порывает с литературой и предается беспечным скитаниям по Европе, становится грузчиком в Марселе, учителем в Лондоне, циркачом в Скандинавии; как, заброшенный судьбою в Африку, он пытается сколотить себе состояние, выступает то агентом торговых фирм, то неудачливым дельцом на свой страх и риск; как, наконец, опустошенный духовно, искалеченный физически, возвращается он на родину — только затем, чтобы умереть на койке марсельского госпиталя. Нельзя без горечи вспоминать о литературных блужданиях Рембо, о том, как после прекрасного начала его творческой деятельности, к которому относится основная часть его стихов, юноша-поэт, еще недавно мечтавший о коммунистическом обществе и даже набрасывавший план конституции этого общества, начинает метаться от магической зауми к изобретательству в области «цветного слуха», к религии и как в таких метаниях постепенно иссякает его поэтический дар.

Но этот поэт, до смерти замученный условиями буржуазного существования, эта поэзия, до смерти заласканная декадентством 70-х годов, в свою лучшую пору оставили такой отчетливый след в истории граж-

данской лирики, что недаром передовые поэты современной Франции считают А. Рембо своим предтечей; и во вступительной статье П. Антокольский убежденно и убедительно показывает, что к такому восприятию стихов А. Рембо есть все основания.

Еще убедительней это показывают сами стихи, собранные в книге. Читая страницу за страницей, все больше поддаешься обаянию поэзии А. Рембо. Она многострунна и прихотлива, а вместе с тем цельна и проста, потому что говорит о любви к человеку и ненависти ко всему бесчеловечному, о радости жизни и о тяжких испытаниях душевного сиротства, о победах и поражениях революции, о бесшабашной неприкаянности самого автора и о его твердой вере в силы народа.

Стихотворение «Завороженные» дышит таким сочувствием к детям бедняков, столпившимся перед окном пекарни, что чудится, будто поэт вместе с ребятишками не может отвести глаз от пылающей печи, жадно втягивая в себя запах свежего хлеба. Во французском тексте «Завороженных» есть одна смешная и трогательная подробность: карапузы так сильно нагнулись к подвальному окну хлебопека, что у них полопались штанишки и из прорех выглядывают хвостики рубашек, трепеща на зимнем ветру,— жаль, что в хорошем переводе А. Арго все же не передан нежный юмор этой концовки, пропала мягкая интонация сердечной доброты, уживающейся в А. Рембо с озорством и резкостью.

Чистой верой в народ, в правду и красоту народной борьбы за свободу звучит стихотворение 1871 года «Руки Жан-Мари» — восторженный гимн простой французской женщине, воплощающей в себе для поэта революционную Францию. Образ героической женщины весь насыщен живою теплотой, и у Жан-Мари — участницы народного восстания

Под кожей пальцев
опаленных
Огонь рубиновый бежит,—

как очень свободно, но, по существу, очень точно перевел П. Антокольский. И, характерно, сливаясь с народом в чувстве революционного гнева, поэт видит над восставшим Парижем «великое солнце, переполненное любовью», — досадно, что в этом месте перевода такое определение революции (не только как великого гнева, но и как великой любви) начисто исчезло и мы читаем о «безжалостном солнце мая» (да и то исправив опечатку: вместо «солнце» стоит «сердце»).

Клокочущая ненависть к врагам народа и светлая любовь к человеку вдохновляют А. Рембо в стихотворении «Кузнец», где широкоплечий сын Франции, потрясая кузнечным молотом, обращается к Людовику XVI с речью истинного революционного трибуна — грозного обвинителя и народного печальника. Воскрешая один из эпизодов далекого прошлого — известный случай, когда революционный народ, ворвавшись в Тюильри, потребовал, чтобы король надел на себя красный фригийский колпак, эти стихи непосредственно примыкают к циклу сонетов, которые А. Рембо посвятил недавнему тогда прошлому и злободневной современности — предательским действиям нового кесаря, Наполеона III, и позорному крушению Второй империи. Отсюда совершенно закономерно переход к произведе-

дениям поэта, внушенным ему прекрасными и трагическими днями Коммуны, к образу Жан-Мари, к грозным словам, обращенным к версальцам в стихотворении «Парижская оргия, или Париж заселяется вновь» (в переводе П. Антокольского напрасно опущено первое, подчеркнуто памфлетное заглавие и уже совсем неправильно слово «подлецы», lâches, обращенное к душителям Коммуны, заменено безобидным «зеваки»).

Не нарушается внутреннее единство поэзии А. Рембо и группой стихотворений сборника, в центре которых — судьба и личность, пристрастия и причуды самого поэта, или картины природы, или раздумья. Здесь и задорный сонет «В Зеленом кабаре» (искусно, хотя и сухо вато переведенный В. Брюсовым); и богохульная «Вечерняя молитва» (хорошо переведенная Б. Лифшицем, пожалуй, только слишком увлекшимся натуралистическими мотивами подлинника); и своеобразная декларация любви к человеку в «Добрых мыслях поутру» (бережно воспроизведенная в переводе Н. Банникова, нежном и легком по ритму и по словесному рисунку, как это и требовалось, но — что уже не требовалось! — порою впадающим в романсную чувствительность); и своевольное парадоксальное обоснование идеи «цветного слуха» в стихотворении «Гласные»

(данном в тщательном переводе А. Кублицкой-Пиотух, матери А. Блока).

Все эти стихи неравноценны по своему поэтическому смыслу, но все они, как к полюсу, тяготеют к поэме «Пьяный корабль», находят в ней свое лирическое обобщение. «Пьяный корабль» — шедевр французской поэзии, тем более поразительный, что А. Рембо создал его на заре своей юности. В строках поэмы звучит опьяненность жизнью, движением, широкими горизонтами, дыханием бури и свечением морских глубин, головокружительная стремительность все новых и новых встреч с морями и землями нашей планеты, отвращение перед самодовольными торговыми флагами и понтонами каторжных тюрем — и ласковая привязанность к родной стране, к французскому мальчугану, пускающему по темной, холодной луже свой кораблик навстречу благоуханным сумеркам. Эта ласковость, к сожалению, недостаточно передана в превосходном, вообще говоря, переводе П. Антокольского, лучшем среди всех его переводов из А. Рембо.

Французские поэты Сопротивления самоотверженно потрудились над тем, чтобы возратить своему читателю подлинного А. Рембо. В советском издании поэзия А. Рембо начала, наконец, и на русском языке обретать полнокровную жизнь.

Валентина ДЫННИК

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ОГНИ НОВОЙ ЖИЗНИ

Тодор Монов. Смърт пияма. София, Български писател, 1960.

В течение последних лет у нас в Болгарии немало создано произведений на современную тему. Большинство этих произведений принадлежит молодым писателям, таким, как Ивайло Петров, Иордан Радичков, Милчо Радев,

Лиляна Александрова, Циля Лачева, Тодор Монов и др.

С особым интересом болгарские читатели встретили роман Тодора Монова «Смерти нет». О нем написаны большие статьи, о достоинствах и недостатках

книги много говорилось на дискуссии о художественном мастерстве в Союзе болгарских писателей.

Произведение Монова посвящено жизни рабочих-горняков, строящих туннель в Родопских горах. Сюжет романа прост. На объект «Орлы» приезжает новый бригадир Васил Караджов. У этого человека тяжелый харак-

СРЕДИ КНИГ